

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И АКТИВИЗАЦИЯ РУССКО-ХИВИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1837–1841 гг.¹

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Российской империи и среднеазиатских ханств на исходе третьего и в начале четвертого десятилетия XIX в. Особое внимание уделено роли министерства иностранных дел в этом вопросе, а именно его позиции в вопросе взаимоотношений российского государства и Хивинского ханства на примере дипломатической миссии П. Никифорова. Неудача посольства охарактеризовала собой тщетность попыток мирного урегулирования различных препонов, возникавших между двумя сторонами, однако показало готовность и желание Российской империи вести переговоры и действовать, когда это возможно и необходимо, с позиции мягкой силы. Обращается внимание на динамику изменения процесса принятия решений в зависимости от конкретного положения дел, сложившегося на определенном этапе эволюции русско-хивинских отношений.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Хивинское ханство, МИД, дипломатическая миссия, русско-хивинские отношения.

К концу 1830-х гг. русско-хивинские отношения накалились до предела. Не исключено, что именно ослабление России из-за поражения в Крыму, равно как и задержание хивинских купцов в пределах империи, стимулировали ханское правительство к агрессивным проявлениям.

В начале 1837 г. в Санкт-Петербург были доставлены два письма от хивинских мехтера и хана, в которых в довольно жестких выражениях требовалось уничтожение русского укрепления Ново-Александровского. Объяснив в своем ответе, что эта крепость была возведена «на земле, издревле Российской державе принадлежащей», глава имперской дипломатии довел до Аллакули-хана российские требования вернуть в течение четырех месяцев всех находившихся на территории ханства русских пленных, запретить новые покупки и удержание русских пленников, отказаться от вмешательства хивинцев в дела российских казахов. В обмен на это К.В. Нессельроде обещал отпустить всех задержанных хивинских купцов и восстановить добрососедские отношения².

Значительно более мягко развивались отношения с Бухарой. Отправляя в обратный путь находившегося в российской столице посланника эмира, вице-канцлер снабдил его подарками и письмом к кушбеги, в котором предлагал предоставить российским торговцам в Бухаре привилегии, адекватные тем, какими пользовались бухарские купцы в России. К.В. Нессельроде ходатайствовал о снижении пошлины и возвращении на родину русских невольников, бежавших в ханство с территории Хивы³.

Поступавшие из Оренбурга сведения говорили о росте в Бухаре симпатий к России. Так стало известно, что эмир отказался принимать у себя англичан с их предложениями о дружбе и торговле. А смена кушбеги, по мнению вице-канцлера, свидетельствовала о том,

---

* **ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович** — доктор исторических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; профессор; г. Москва, Россия; dvvasiliev@mail.ru.

** **МАЗАЕВ Никита Андреевич** — Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; студент; Maзаev-nikita14@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культуры им. Льва Толстого.

² 1837 г. февраля 9. Ответное письмо к хану хивинскому от вице-канцлера // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-I. Оп. 781. Д. 77. Л. 10–11 об.

³ 1837 г. февраля 16. Ответное письмо от вице-канцлера к бухарскому кушбеги // Там же. Л. 24–27 об.

что эмир впредь будет «...поступать согласно с нашими взглядами и желаниями, из чего можно будет извлечь пользу и в торговом, и в других отношениях»¹.

Несмотря на то, что в августе 1839 г. в Оренбург из Хивы прибыло 80 русских пленных, задуманное В.А. Перовским военное давление на Хиву было не остановить. Накануне похода 17 октября 1839 г. Николай I в Царском Селе утвердил декларацию об экспедиции против Хивы².

Имперское правительство отметило, что все способы убеждения были использованы. Настало время «...мер более решительных, более надежных, <...> дабы силой оружия обеспечить на будущее время права и пользы российских подданных, положить конец грабежам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников, внушить должное уважение к имени русскому и упрочить то влияние, которое неоспоримо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии»³. Однако, официально заявленная цель значительно расходилась с реальными планами царского правительства.

Еще на заседании комитета 11 марта того же года, решения которого на следующий день получили высочайшее утверждение, было признано, «...что одно наказание хивинцев и освобождение русских пленных недостаточно для обеспечения нас на будущее время от неприязненных действий Хивы и для упрочения нашего влияния в Средней Азии, и что посему необходимо сделать на месте *постоянное распоряжение*, могущее доставить нам прочное в обоих этих отношениях ручательство. А как лучшим для того средством найдено было смещение нынешнего хана Аллакула кем-либо из преданных нам степных султанов, то предоставлено было оренбургскому военному губернатору избрать и предложить лицо, которое с наибольшей благонадежностью могло бы быть возведено на степень хана хивинского»⁴. Выстраивая такие планы, царское правительство прекрасно понимало, что его задумки мало чем отличаются от аналогичных британских действий в Афганистане.

Азиатский комитет 11 марта 1839 г. определил и главные требования российского правительства к хивинской стороне:

«1) Чтобы отныне впредь прекращены были все явные и тайные враждебные действия Хивы против России, и в особенности, чтобы Хива отказалась от разбоев своих и не держала бы впредь ни одного русского в неволе.

2) Чтобы Хива не простирала власти своей на подчиненных нам кайсаков и туркмен и не облагала бы их закятom и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего влияния на племена, на которые она никакого владельческого права не имеет, и ограничивалась бы владениями своими, простирающимися до известных пунктов, которые бесполезно будет определить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала беглого султана Каип-Галия и ему подобных и посредством их не волновала бы киргизов.

5) Чтобы караваны ни под каким предлогом не были принуждаемы проходить чрез Хиву, и чтобы те, которые добровольно и по своим расчетам идти на Хивинское владение не рассудят, отнюдь не были облагаемы пошлиной.

6) Чтобы укрепления на реке Сыре, как лежащие вовсе вне хивинских пределов и служащие только для притеснения кочевых народов и проходящих караванов, были скрыты и уничтожены.

---

¹ 1838 г. сентября 27. Всеподданнейший доклад вице-канцлера о бухарском посланнике // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 78. Л. 52 об.

² 1839 г. октября 17. Декларация об экспедиции против Хивы // Там же. Д. 79. Л. 154–158.

³ Там же. Л. 157 об. – 158.

⁴ 1839 г. октября 10. Журнал совещания вице-канцлера, военного министра и оренбургского военного губернатора // Там же. Л. 159–159 об.

7) Чтобы вообще на товары, принадлежащие русским, не было налагаемо, как доселе, двойной и четверной пошлины, а чтобы купцы русские и хивинские были во всех отношениях уравнены правами.

Наконец, 8) ...иметь в Хиве российского, а в Оренбурге хивинского консулов для защиты торговли»¹.

Рассчитывая на абсолютную победу отряда В.А. Перовского, Петербург дал тайное задание военному губернатору взыскать с Хивы 400 тыс. руб. в компенсацию ущерба, нанесенного хивинцами при разграблении каравана российских купцов, следовавших в 1824 г. из Оренбурга в Бухару².

Параллельно с отправлением в Хиву В.А. Перовскому было предписано донести до бухарского эмира официальные цели экспедиции и успокоить его насчет военного вторжения. Осуществить эту миссию выпало на долю дипломата Е.П. Ковалевского, которому, также, было поручено «...войти в ближайшее знакомство и связи с влиятельными при хане лицами и в особенности с ишан-рейсом, как главным сановником, пользующимся всей доверенностью хана и имеющим, как по всему видно, большое влияние на ход всех дел бухарского правительства». Ему следовало убедить ишан-раиса в необходимости предоставления льгот русским купцам и важности учреждения в Бухаре должности российского торгового консула, внушить бухарскому вельможе, что им было выгоднее сохранить торговые отношения с Россией, которые были несравненно выгоднее, чем установление тесных сношений с британцами. Ковалевскому следовало также оказать содействие в вызволении содержавшихся в ханстве русских невольников³. Ему полагалось выяснить, насколько широко может распространиться российско-бухарская торговля, какие товары из империи будут пользоваться в ханстве наибольшей популярностью, насколько возможно устройство торговых сношений России с Афганистаном через Бухару. Кроме того, от инженер-капитана Ковалевского ожидали наиболее полной информации о политических связях Бухары с соседями и о ситуации в самих этих соседних государствах⁴. 30 октября 1839 г. Е.П. Ковалевский отправился из Оренбурга с бухарским караваном, но не смог достигнуть конечного пункта экспедиции, ибо начавшаяся экспедиция В.А. Перовского смешала все карты, заставило Ковалевского направиться в Ак-Булак и принять участие в военных действиях.

Неудачный поход, тем не менее, вынудил Алла-кули выпустить фирман, в котором он искал дружественных сношений с Россией, а также призвать подданных не совершать набеги на русские земли и отпустить томившихся в неволе 400 русских пленников. Такое изменение отношения хивинского хана к России побудило царское правительство сформулировать основные принципы будущих отношений с ханствами. В основе этих отношений должны были лежать политические и торговые интересы империи. Поставленная на первое место политическая цель состояла в упрочении в ханствах исключительного влияния России. Лишь на второе место были поставлены торговые интересы, состоявшие не только в росте товарооборота, но и в обеспечении безопасности караванов, торговцев и их имущества. Эти цели должны были реализоваться через учреждение в Хиве, Бухаре и Коканде российских агентов и подписание с их правителями обязательственных актов⁵.

---

¹ 1839 г. октября 10. Журнал совещания вице-канцлера, военного министра и оренбургского военного губернатора // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 79. Л. 163–164.

² 1839 г. октября 17. Секретное отношение вице-канцлера к генерал-адъютанту Перовскому // Там же. Л. 167–168 об.

³ 1839 г. апреля 8. Инструкция отправляемому в Бухарию инженер-капитану Ковалевскому // Там же. Л. 91 об. – 95 об.

⁴ Там же. Л. 96 об. – 98.

⁵ 1840 г. ноября 10. Всеподданнейший доклад вице-канцлера // Там же. Д. 80. Л. 133–135.

Были определены следующие конкретные условия для Хивинского ханства, с которого было решено начать воплощение новой политики:

«1) Прекратить все действия против России и ее подданных, вернуть российских пленников.

2) Не распространять свой суверенитет (в т. ч. сбор податей) на подчиненных России казахов и туркмен.

3) Выдавать на российскую сторону укрывающихся беглецов.

4) Не останавливать и не направлять через Хиву караваны, участвующие в российско-азиатской торговле.

5) Прекратить сбор пошлины на Сырдарье и уничтожить возведенные там хивинские укрепления.

6) Оказывать покровительство российским купцам в Хиве и уравнивать взимаемую с них пошлину с хивинской.

7) Предоставить России свободное судоходство по Амударье.

8) Разрешить нахождение в Хиве российского агента с правом непосредственного обращения его к хану.

9) Ко всем законным и справедливым требованиям российского агента, относительно нашего и бухарского купечества, иметь надлежащее уважение.

10) В случае раздора Хивы с соседями, и в особенности с Бухарой, признавать российского агента непрременным посредником между ними.

11) Без совета российского агента не заключать никаких условий с какими бы то ни было народами.

12) В случае смерти в хивинских владениях кого-либо из российских подданных, имущество его отнюдь не отбирать в ханскую казну, а в целости передавать в ведение российского агента.

13) Безопасность агента, а также всех российских и бухарских торговцев, и вообще соблюдение всех постановляемых условий, обеспечивается лицами и имуществом хивинских торговцев в России находящихся»¹.

Заметим, что не все условия были вынесены на переговоры с Хивой, вести которые было поручено капитану П. Никифорову, направленному для переговоров в столицу ханства.

В преамбуле к инструкции, данной П. Никифорову перед отправлением, Азиатский департамент МИД кратко представил динамику развития российско-хивинских отношений последних лет, подчеркнув, что «действия Российской державы отличались постоянно в течение нескольких десятков лет снисхождением и великодушием, между тем как хивинцы постепенно обнаруживали все более и более неблагодарность свою и неприязнь. Наконец, вражда их истощала меру терпения нашего правительства; достоинство империи требовало, чтобы положен был предел их ведомству»².

Тем не менее, мощная российская вылазка против Хивы не прошла бесследно. Хан отпустил всех русских невольников и издал фирман, запрещающий его подданным покупать и держать в неволе российских подданных. В ответ на это хивинские торговцы были отпущены домой, а ханский посол получил возможность прибыть в российскую столицу.

Инструкция указала задачу миссии капитана Никифорова: «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий и к обеспечению безопасности российских торговцев. Это самое составляет главную цель, для которой Вы командуетесь в Хиву <...> Для достижения сей цели Вы

¹ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 80. Л. 135 об. – 138.

² 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // Там же. Д. 81. Л. 24 об. – 26.

не оставите изобразить хану в надлежащем виде добросовестность, прямодушие и бескорыстие нашей политики как собственно в Хиве, так и вообще к прочим соседственным с нами областям, имеющим гораздо большую значительность, нежели Хивинское ханство»¹. В качестве примеров российскому посланнику следовало привести отношения России с Турцией и Персией, несогласие с которыми приводили к войнам, блистательные победы в которых вынуждали соперников империи искать мирных переговоров, превращавших бывших соперников в союзников.

Капитану следовало припугнуть Аллакула новым приемом военного нажима: «...несмотря на делавшиеся уже приготовления к возобновлению экспедиции против Хивы, его императорское величество повелел остановить отправление оной, лишь только получил известие об исполнении ханом главного требования нашего»². Угрозы прекращения торговых отношений и нового похода против Хивы должны были висеть над ханом, подталкивая его к сговорчивости.

Предстоявшие переговоры должны были вестись вокруг следующих предметов: «1) уничтожение рабства и пленения русских и обеспечение лиц и имущества их в хивинских владениях; 2) ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издревле поступившие в подданство России; 3) обеспечение торговли нашей как с Хивой, так и с соседственными владениями»³.

В вопросе об определении сфер влияния Хивы на соседних кочевников П. Никифорову следовало быть весьма осторожным. Ему было предписано «...в разговорах с хивинским ханом уклоняться от определительного объявления до каких именно мест должны простираться владения Российской империи в степи и... ограничиваться одним общим подтверждением о присяге, принесенной теми кочевыми народами на подданство России. <...> Поелику же настоящие переговоры имеют целью сохранить и упрочить порядок и тишину в степи и чрез то обезопасить караванные пути и торговые сообщения, то, не отвергая принадлежащего России права верховной власти над киргизскими и туркменскими племенами, принявшими присягу на подданство, правительство наше не находит неудобства согласиться, чтобы впредь до усмотрения те племена, которые кочуют к югу от Сыр-Дарьи, Девлет-Гирея и Ново-Александровского укрепления, оставались ныне в управлении хивинского владельца с правом для него собирать с них закят и с обязательством отвечать за все грабежи, разбои и воровства их и выдавать по требованию нашему скрывающихся у них беглецов и мятежников. За тем должны быть прекращены всякие неблагоприятные сношения Хивинского ханства с кочевыми народами к северу от Сыр-Дарьи и Устюрта кочующими. Тем не менее, до поры до времени российское правительство готово было мириться с тем, что Хива распространяла свой суверенитет на часть принявших российское подданство кочевников с тем, чтобы обезопасить от них бóльшую их часть, кочующую ближе к российским рубежам»⁴. Это обстоятельство как нельзя более конкретно демонстрирует, что как бы петербургские дипломаты не пытались продемонстрировать могущество империи, в Центральной Азии его пока еще явно не хватало для того, чтобы диктовать свои условия.

Торговые интересы правительства сводились к следующему: 1) созданию условий для свободного и безопасного доступа русских купцов во все населенные пункты ханства; 2) установлению необременительной и единовременной пошлины для всех российских товаров; 3) допуску российского чиновника к участию в определении стоимости товаров в

---

¹ 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 27, 28 об. – 29.

² Там же. Л. 30–30 об.

³ Там же. Л. 32 об.

⁴ Там же. Л. 35 об. – 37, 39.

интересах обложения; 4) предотвращению насильственных остановок караванов и различного рода препятствий движению караванов в Россию и обратно¹.

В случае удачного решения первых трех вопросов, капитану Никифорову следовало убедить хана разрешить присутствие в Хиве российского чиновника. «Содейваясь политическим посредником между оренбургским начальством и Хивой, он был бы вместе с тем покровителем и справедливым заступником приезжающих в ханство российских подданных»². При благоприятном исходе политическим представителем России в Хиве должен был стать включенный в состав посольства поручик Аитов.

Так, во главу угла всех дипломатических действий в ханстве были поставлены скрытность и осторожность. А пятой задачей посольства П. Никифорова был объявлен сбор подробных сведений о Хиве и их проверка³.

В другой инструкции Азиатский департамент сообщил П. Никифорову о весьма удовлетворительном состоянии российско-бухарских отношений. Удовлетворительных настолько, что пункт о безопасности караванов в переговоры с Хивой был включен именно по просьбе эмира.

Итогом дипломатической миссии должно было стать заключение официального соглашения. Обязательства хивинской стороны предполагалось зафиксировать актом, содержащим следующие условия.

«1) Отныне впредь не предпринимать никаких явных, ни тайных действий против России.

2) Не производить и не потворствовать грабежам, разбоям и захватам ни в степи, ни на Каспийском море, и в случае, если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хиве племенами, предавать виновных немедленному наказанию.

3) Не держать в неволе и не приобретать никаким образом пленных русских, и ответственность за личную безопасность и за сохранность имущества всякого русского подданного, могущего быть в хивинском владении.

4) В случае смерти в хивинских владениях русского подданного, не отбирать оставшегося после него имущества, а отпускать оное в целости российскому пограничному начальству для передачи его наследникам.

5) Не простирает влияния на кочевые племена издревле находящихся в подданстве России, не притеснять и не волновать их и не облагать поборами.

6) Не допускать беглецам и мятежникам из российских подданных укрываться в хивинских владениях, но выдавать их российскому пограничному начальству.

7) Не взимать с товаров русских купцов более «...» (пропущено в тексте – *авт.*) процентов настоящей цены оных и пошлину сию взимать один только раз с привозимых в хивинские владения товаров.

8) Не делать никаких остановок караванной торговле азиатских владений с Российской империей, и не причинять насилий бухарским и другим купцам, производящим торг с Россией.

И наконец, 9) ...вообще поступать во всех случаях как подобает добрым соседям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественной Российской империей»⁴.

От имени русского государя капитан П. Никифоров должен был удостоверить хивинскую сторону в том, что Россия «1) предаёт совершенному забвению прежние неприязненные против нее действия хивинских владельцев; 2) отказывается от требования

---

¹ 1841 г. февраля 2. Инструкция отправляемому в Хиву капитану Никифорову // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 40 об. – 41.

² Там же. Л. 44 об.

³ Там же. Л. 51.

⁴ 1841 г. февраля 2. Проект Акта от хивинского владельца // Там же. Л. 52–53 об.

уплаты за разграбленные до сего времени караваны; 3) обещает совершенную безопасность и законное покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным, и 4) предоставляет в своих владениях хивинским торговцам все преимущества, коими пользуются купцы других азиатских владений»¹.

В августе 1841 г. миссия капитана П. Никифорова прибыла в Хиву. Уже в самом начале переговоров выяснилось, что Аллакули намеревался их использовать для разграничения казахских земель и реализации своих претензий на реки Эмбу, Иргиз и Тургай. Все это выходило за пределы компетенций посольства. Это обстоятельство, а также уклончивость хивинской позиции, нездоровье Никифорова и его недипломатичное высокомерие. Видя бессмысленность дальнейшего затягивания переговоров, российский посланник перешел к решительным действиям. Он объявил земли всех принявших российское подданство кочевников достоянием империи и заверил, что в любом случае претензии хана не будут удовлетворены. Предложив хану подписать проект мирного договора, имперский посланник заявил, что в противном случае будет вынужден покинуть Хиву, что и случилось 27 октября. Ни одно из условий не было выполнено, договор не был подписан.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 77–81.

---

¹ 1841 г. февраля 2. Проект надписи российского агента на копии Акта хивинского владельца // АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 54–54 об.